

0- 794866

На правах рукописи

Сафаров Ринат Тагирович

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Казань – 2012

Работа выполнена в отделе лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Научный руководитель: кандидат филологических наук
Гаффарова Фирая Фаязовна

Официальные оппоненты: Шайхулов Алмас Галимзянович, доктор филологических наук, профессор, кафедра татарской филологии и культуры филологического факультета ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», зав. кафедрой (г. Уфа)

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000807395

Галимова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, отдел лексикологии и диалектологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, старший научный сотрудник (г. Казань)

Ведущая организация: ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита состоится «15» мая 2012 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 022.001.01 при Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Казанского научного центра РАН (420111 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31).

Автореферат разослан «15» апреля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук доцент

А.А. Тимерханов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение отраслевой лексики в татарской лексикологии имеет давние традиции: выходят словари, публикуются статьи, а также ряд трудов, в которых исследуются отдельные терминсистемы. Нужно отметить, что первым, кто поднял в татарском языкознании проблему разработки терминологии на национальном языке, был К. Насыри. Он впервые заменил названия из арабского, персидского и турецкого языков путём перевода их на татарский язык. Обширную деятельность в 1920–1923 годы ведёт терминологическая комиссия, организованная при Научном центре Народного комиссариата просвещения Татарстана. В работе данной комиссии участвовали Г. Ибрагимов, Г. Алпаров, Г. Максуд, Г. Нугайбик, И. Гали, Дж. Валиди и др. В этот период татарская национальная терминология совершает серьёзный поворот с востока на запад. Основы терминологии современного татарского литературного языка были разработаны Ф.С. Фасеевым (1969). Им были определены принципы национального терминотворчества, тщательно исследованы способы образования терминов. На разработку отраслевой терминологии он обращал особое внимание. Его исследование не потеряло актуальности и сегодня. В ходе национальной политики в Татарстане в 90-х годах прошлого столетия работа по сбору, систематизации, обновлению отраслевой терминологии стала более интенсивной. На современном этапе в работах М.З. Закиева, И.М. Низамова, Ф.А. Ганиева, Р.А. Юсупова определяются общие задачи разработки терминологии, М.С. Сагитов (1971) анализирует развитие татарской терминологии. Лексику, относящуюся к различным отраслям, изучали З.М. Валиуллина (1953), В.Х. Хаков (1961), Г.Ф. Саттаров (1970), М.Б. Хайруллин (1975), Г.С. Насыров (1978), Р.Г. Ахметьянов (1981; 1989; 2003), Р.К. Рахимова (1983; 2002), И.А. Абдуллин (1986), И.М. Низамов (1990), Ф.Г. Гарипова (1991; 1998), Д.Б. Рамазанова (1991), Ф.С. Баязитова (1992), Т.Х. Хайрутдинова (1993; 2004), З.Р. Садыкова (1994; 2003), Г.И. Одинокова (1995), Г.Г. Саберова (1996, 2002), А.Г. Хайруллина (1996), Р.Р. Шамсутдинова (1996; 1997; 2001), Ф.Ф. Гаффарова (1999, 2007), Г.Д. Зиязетдинова (2003), А.М. Сагитова (2004), О.Н. Бяतिकова (2005), Э.А. Галиева (2005), А.А. Тимерханов (2006), Э.И. Сафина (2006), М.К. Юматова (2007), Г.М. Мухтарова (2009), Г.У. Алеева (2009) и др. Однако некоторые лексические группы до сих пор остаются малоизученными. К таковым относится и военная лексика.

Актуальность темы исследования. Военная лексика – система лексических средств, отражающих разнообразные военные понятия и употребляющихся в общенародном и специальном общении. Широкое употребление и потребность в словах военного характера можно объяснить тем, что частые войны, связанные как с завоеванием новых территорий, так и защитой собственных, требовали вовлечения широких масс, ставили их перед необходимостью знакомства с военным бытом, с основными военными понятиями. Несложность технического оснащения также способствовала тому, что лексика, относящаяся к военному делу, была близка и понятна большей части

населения. Именно поэтому сбор и изучение военной лексики, особенно её исконного пласта, представляет значительный интерес как для специалистов-историков, так и для лингвистов.

Становление военной лексики в татарском языке проходило в течение многих веков, продолжает пополняться и обогащаться и по сей день. Наименования, входящие в военную лексику, тесно связаны с совершенствованием техники, появлением новых видов оружия и т.д. В то же время развитие научно-технического прогресса вызывает неизбежные изменения и в укладе жизни народов, что ведёт к исчезновению целых тематических групп лексики.

Актуальность исследования военной лексики обусловлена тем, что большая часть составляющих её наименований постепенно переходит в пассивное употребление, вместе с реалиями уходит в прошлое, забывается, переходит в разряд архаизмов и историзмов, исчезают и их названия. В связи с этим своевременный сбор и фиксация всех лексических единиц указанной области, их систематизация, историко-генетический анализ, оценка семантико-функциональных особенностей в современном языке приобретают актуальное значение. Системное исследование военной лексики, особенно её исторической, исконной части, представляющей собой один из самых древних лексических пластов, имеет не только историко-лексикологическую, но и очевидную историко-культурную значимость.

Объектом настоящего диссертационного исследования выступает военная лексика в татарском языке.

В качестве предмета исследования рассматриваются лексико-семантические, историко-генетические и функционально-семантические особенности лексики указанной области.

Цель исследования – синхроническое и диахроническое описание военной лексики татарского языка.

Реализация данной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) осветить историю изучения военной лексики в тюркологии и в татарском языкознании;
- 2) определить историко-генетические пласты военной лексики;
- 3) проследить распространение исследуемой лексики в тюркских языках;
- 4) сгруппировать традиционную устаревшую военную лексику татарского языка по степени архаизации;
- 5) рассмотреть функциональные особенности военной лексики в современном татарском языке;
- 6) показать подвижность и гибкость семантики военной лексики в татарском языке на примере синонимии и вариативности.

В работе осуществляется комплексный подход с использованием таких методов исследования, как описательный, сопоставительный, сравнительно-исторический. Интересующий нас материал был собран из источников методом сплошной выборки.

Методологическую основу исследования составили труды известных отечественных лингвистов и тюркологов А.Н. Кононова, В.И. Кодухова,

Н.А. Баскакова, Э.В. Севортяна, А.М. Щербака, К.М. Мусаева, Э.Р. Тенишева, А.В. Дыбо и др., а также ведущих татарских учёных В.И. Хангильдина, М.З. Закиева, Ф.А. Ганиева, Р.Г. Ахметьянова, М.И. Махмутова, В.Х. Хакова, А.Г. Шайхулова, Г.Ф. Саттарова, Ф.С. Фасеева, Р.А. Юсупова и др.

Научная новизна работы состоит в том, что она представляет собой первую попытку систематизированного лингвистического исследования военной лексики татарского языка в монографическом плане, в котором проводится комплексный анализ в синхроническом и диахроническом аспектах, в частности выявляются историко-генетические пласты с привлечением данных родственных и неродственных языков, рассматриваются особенности функционирования военной лексики в современном татарском языке. Особое внимание обращено на древний, устаревший, пласт военной лексики, что даёт возможность визуализировать лексику данной тематической группы в контексте всей системы татарского языка, этапов его становления и тенденций развития. Результатом данного анализа явилось создание «Фрагмента татарско-русского словаря военной лексики», отражающего в том числе и авторскую позицию относительно вопросов лексикографической фиксации и описания, правописания, вариантности названий данной области и т.д.

Источниками исследования послужили толковые, диалектологические словари татарского языка, а также двуязычные, терминологические, этимологические словари, древнетюркские, старотатарские письменные памятники, различные жанры устного народного творчества; художественная литература; периодическая печать военных лет; работы по истории военного дела и истории татар.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что основные положения способствуют созданию упорядоченной системы терминов военной лексики татарского языка. Научные результаты анализа представляют значимость с точки зрения исследования проблем в области этимологии. Материалы работы могут вызвать определённый интерес у исследователей материальной культуры, истории татарского народа и других тюркских народов, для систематизации военной терминологии в научной, научно-публицистической и художественной литературе.

Практическая значимость работы. Данное исследование вносит определённый вклад в разработку проблем лексикографии татарского языка, в частности собранный богатый материал может быть использован при составлении толковых, переводных и специальных словарей. Работа будет способствовать усовершенствованию терминологической системы языка. Результаты её могут найти практическое применение в учебно-научной литературе в общеобразовательных школах и высших учебных заведениях, в частности основные положения могут быть использованы при разработке и чтении лекционных курсов по лексикологии, истории татарского языка. Данная работа может быть полезной при научной обработке музейных фондов, каталогов и оформлении экспозиций музеев.

Положения, выносимые на защиту:

1. Традиционная военная лексика татарского языка представлена лексическими единицами общеалтайского, общетюркского происхождения, а также тюрко-монгольскими параллелями.

2. Военная лексика системно сформировалась уже в общетюркский период. Общетюркский пласт охватывает практически все области военного дела от оружия до эпизодов военных действий.

3. В формировании военной лексики татарского языка прослеживается влияние внешних источников. Наиболее ранними являются китайские, персидские заимствования; более поздние и более многочисленные – арабские, русские и заимствования из западноевропейских языков.

4. На современном этапе функционирования татарского языка традиционная военная лексика в основе своей переходит в пассивное употребление, что объясняется объективной реальностью – отсутствием развития военного дела в качестве специальной области профессиональной деятельности у татар.

Старинная военная лексика татарского языка в значительной мере становится непонятной современному носителю. В то же время часть собственно устаревших лексических единиц военной тематики продолжает функционировать в живой речи, находит применение в научно-учебной литературе, художественных произведениях, во фразеологии. При этом употребление данной лексики часто обусловлено прежде всего достижением определённых стилистических целей.

Научно-понятийный аппарат. Под военной лексикой мы понимаем в широком смысле традиционную лексику, отражающую разнообразные военные понятия и употребляющуюся в общепародном и специальном общении.

В диссертационном исследовании слова *термин, наименование, лексика* были использованы в тождественном значении.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были апробированы на международных конференциях: «Актуальные проблемы современной фольклористики» (Казань, 2009); «Язык и литература в поликультурном пространстве» (Бирск, 2010); «Жизнь, посвященная тюркологии: международный тюркологический симпозиум, посвященный 90-летию Э.Р. Тенишева» (Казань, 2011); на межрегиональных и всероссийских: «Тенишевские чтения – 2009» (Казань, 2009); «Тумашевские чтения» (Тюмень, 2010); «Наука XXI века. Проблемы филологии и искусствоведения» (Казань, 2011). Отдельные материалы исследования увидели свет в различных научных журналах и сборниках статей. По теме диссертации опубликовано 9 научных работ, в том числе одна статья – в издании из перечня, рекомендованного ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка условных сокращений, списка использованной литературы и источников, двух приложений, представляющих собой фрагмент татарско-русского словаря военной лексики с иллюстрациями из произведений устного народного творчества, художественной литературы и список военной

периодической печати на татарском языке, датированной началом XX века. Общий объем исследования составляет 181 страницу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, её научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект и предмет, ставится цель и формулируются задачи исследования, указываются источники, выделяются положения, выносимые на защиту, описывается структурное построение работы.

В первой главе «История изучения военной лексики» освещается история изучения исследуемой области лексики. В параграфе 1.1 «Исследование военной лексики в тюркологии» даются сведения о монографических работах по исследуемой лексике узбекского, казахского, турецкого, туркменского, киргизского, азербайджанского, башкирского языков. Из всех тюркских языков наиболее подробно в качестве специальной области военная лексика изучена в монографиях и разработана в словарях в турецком языке. Что же касается других тюркских языков, в большинстве из них ввиду отсутствия необходимости военная лексика устаревает, выходит из обихода, не разрабатывается, т.к. в единой системе данная отрасль функционирует на основном государственном – русском языке.

Военная лексика довольно тщательно разработана в тюркологии в лексикографическом плане. В данном параграфе указаны основные русско-тюркские и тюркско-русские военные совари.

В параграфе 1.2 «Изучение военной лексики в татарском языкознании» даны краткие сведения о статьях татарских лингвистов и историков, касающихся военной тематики. В первую очередь это работы Р.Г. Ахметьянова, исследовавшего лексику в этимологическом аспекте. Кроме этого отмечены работы Нурмухаметовой Р.С., Тимергалина А.К., Юсупова А.Ш., Ахунова А.М., Зулъкарнай Ф., Исламова Р.Ф., Измайлова И.Л.

В параграфе 1.3 «Словари как источник изучения военной лексики» приводится обзор лексикографических источников, в которых нашла отражение лексика анализируемой области, начиная с «Дивану лугат ит-турк» М. Кашгари (XI в.) до современных словарей.

Вторая глава «Историко-генетический и этимологический анализ военной лексики татарского языка» посвящена этимологическому анализу лексики указанной области.

В процессе этимологических исследований и сравнительно-исторического анализа в военной лексике татарского языка выделяются четыре основных историко-генетических пласта: 1) общеалтайский; 2) тюрко-монгольские параллели; 3) общетюркский; 4) заимствованный пласт.

1. К военной лексике алтайского пласта нами отнесены *балта* 'топор', *чап-* 'рубить, сечь', *курган* 'крепость, укрепление', *көбә* 'кольчуга', которые в той или иной фонетической оболочке и с некоторыми семантическими сдви-

гами встречаются как в тюркских, так и монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Этот факт позволяет нам говорить о том, что данные лексические единицы были образованы еще тогда, когда эти языки не распались на отдельные группы и являются общим достоянием не только тюркских, но и большинства монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. С этимологией некоторых лексем (напр. *балта*) согласны не все исследователи, т.е. некоторые из изученных нами слов могли быть исконными, другие – заимствованиями, но были освоены уже в алтайский период.

В некоторых случаях образование военной лексики происходило лишь в отдельной ветви алтайских языков, хотя основа его в нескольких ином значении зафиксирована и в остальных. К таковым можно отнести слово *көбә*, которое, на наш взгляд, приобрело военное значение только в кыпчакской группе тюркских языков, тогда как в монгольских и тунгусо-маньчжурских имеет семантику плотной одежды вообще.

Лексика данного пласта отличается и тем, что имеет широкое распространение в генетически неродственных, не входящих в алтайскую общность языках. Так, *балта*, *төмән*, *чап*- в разные исторические эпохи были заимствованы соседними финно-угорскими и / или славянскими языками.

Чаще всего заимствованиями являются существительные. Наличие в языках общих глагольных основ служит признаком родственности этих языков. В нашем исследовании такой основой оказалась *чап*-, которая наблюдается во всех языках алтайской группы.

Лексема *курбан* сохранилась в нескольких десятках географических названий. Наличие данного слова в той или иной форме в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках может говорить о высоком уровне оборонного дела у предков носителей данных языков с древнейших времен. Слово имеется в большинстве языков алтайской семьи: в тюркских языках: тат., башк. *курбан*, казах. *қорған*, уйг., к.-калп. *қорған*, узб. *қўрғон*, тур. *kurban*, кирг. *коргон*, туркм. диал. *горгон*, як. *хорго*; в монгольских языках: монг., бур. *хорго*, калм. *хоръ*; в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *коригалā*- ‘огораживать’, *кориган* [< мо.] ‘1) ограда; 2) двор’; сол. *хор’ё*- ~ *хори*- [< мо.] ‘1) запрещать, обуздывать; 2) запира́ть, заключать (в тюрьму)’ *хоригā* ‘двор’; нег. *кој* [**кори*] ‘сруб’, *којма* ‘рубленный, бревенчатый; срубовый’, *хорго* ‘шкаф’; ороц. *кои* [**који* <**кори*] ‘1) сруб-амбар (для хранения провизии); 2) могильный домик’; уд. *куа*- ‘делать вырубку (при постройке амбара)’, *куаима* ‘рубленный (о доме, амбаре)’; ульч. *қори* ‘1) сруб – помещение для медведя; 2) хлев, конюшня; 3) клетка (для птиц)’, *қорча(н)* ‘стена’, *қорго* ‘1) шкаф; 2) гробница’; орок. *қори* ‘сруб – помещение для медведя’; нан. *қори* ‘1) сруб – помещение для медведя; 2) амбар (для хранения провизии); 3) могильный домик’, *қорго* ‘шкаф’; маньчж. *қори*- (*хори*-) ‘1) огораживать; 2) загонять в хлев, конюшню; 3) сажать в клетку; 4) брать под стражу, заключать в тюрьму; 5) окружать, опутывать’; *қориган* (*хоргон* ~ *хоргун*, *хоруон* ~ *хоуун* ‘1) загородка для плетня (для скота), скотный двор; 2) хлев; 3) клетка для зверей’, *қорқо*

‘1) хлев, овчарня, свиарня; 2) клетка (для птиц); 3) гроб наружный; 4) шкаф (для платья)’.

Лексема имеет довольно широкое семантическое поле также в тюркских и монгольских языках: 1) тат., башк., казах., уйг., к.-калп., тур., кирг., ‘крепость, укрепление’, узб., ‘крепость, укрепление; цитадель’, туркм. диал. ‘город, крепость’, такое же значение у В.В. Радлова, Л.З. Будагова; 2) тат. ‘загон, огороженный высокой стеной или забором’, казах. ‘высокая глинобитная стена; ограда’, уйг. ‘курган (одинокое строение с высокими глинобитными стенами)’, узб. ‘усадьба, все постройки, которые обнесены стеной’, кирг. ‘высокая глинобитная ограда у могилы’, Л.З. Будагов ‘крепостная стена’; 3) тат. ‘высокий искусственный холм’, казах. ‘курган; высокая насыпь; развалины’, ср. с 9 значением; 4) казах. ‘перен. опора; оплот; защита; твердыня’, як. ‘перен. защита, опора’; 5) узб., ‘вал, крепостной вал’; 6) кирг. ‘развалины’; 7) кирг. ‘загон для овец’; 8) як., монг., бур., калм. ‘убежище, укрытие’; 9) СС, узб., ‘курган; могильный холм’, тур. ‘курган; могила’.

Кроме того, лексема с той же семантикой была заимствована многими другими языками: в славянских языках: рус., укр. *курган*, др.-русск. *коурганъ*, а также *курганъ*.

Что касается слова *курган* в русском языке, то М. Фасмер считает, что «как «крепость» заимствовано наверняка, а *курган* «могильный холм» – вероятно из др.-тюрк. *kyrgan* «крепость», тур., кыпч., тар. *kyrgan*, казах., чаг., *koryan*, кирг. *koryon*». В «Словаре тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шипова приводит мнение И.И. Огиенко, который относит *курган* к заимствованиям древнего времени из персидского *курган*.

Э.М. Мурзаев в своём «Словаре народных географических названий» еще больше расширяет ареал данной лексемы: афг. *курган* ‘укрепление; крепость’, тадж. *курган* ‘холм; крепость; цитадель’ (< узб), перс. *курган* ‘крепость’, япон. *kirigwa* ‘крепостной вал’, корейск. *koran* ‘межа’, польск., чеш.-словац. *kurhan*, болг. *kurgan* ‘могила’, венг. *kurgan* ‘холм’, литов. *kurganos*, латыш. *kurgans* ‘курган’.

Основная версия этимологов о происхождении лексемы *курган* сводятся к двум точкам зрения. Л.З. Будагов считал, что слово *قورغان* *курган* образовано от корня *قورمق / قورغامق / курмак, кургамак* / ‘защищать, оберегать’. Р.Г. Ахметьянов, ссылаясь на Ж. Киекбаева, также считает, что *курган* «курган; крепость» – общетюрк. *курган* «курган, крепость» восходит к общетюркскому глаголу *қурға-, қору-ға-* «защищать, оберегать», который, в свою очередь, восходит к древнетюркскому *қору* «защита, барьер, ограда». Для сравнения исследователь приводит в пример алт. *қору* «средство защиты, ограда», чаг., казах., к.-калп. *қору-* «защитить, обезопасить», *қорға-* «защитить», башк. *қурға-у* «защитить, огородив», *қурғаучы* «защищающий высокопоставленных людей или невесту на свадьбе», як. *хорга*, монг. *корга* «безопасное место, убежище». Г.К. Коншакпаев также производит от глагола *коргану* – ‘защищаться’.

А.Н.А. Баскаков связывает происхождение данного слова с глаголом *кур-* 'поставить, устроить, приготовить, расположить'. М. Фасмер возводит *курган* к тюркскому *kyryamak* «укреплять», *kurmak* «сооружать». Исследователь староузбекского языка Х.А. Дадабаев также считает, что *курган* образовано от глагола *кур-* 'устраивать, сооружать'. Нам кажется, что глагольная основа *кур-* с таким значением не совсем раскрывает семантику исследуемой лексемы. От последнего корня в татарском языке образовано слово *корылма* 'сооружение, постройка' и др.

По всей видимости, *курган* имеет общие корни со словом *кура*, которое в татарском литературном языке означает '1) ограда из камыша; 2) загородка для скота (во дворе); загон (во дворе)'. В диалектной лексике татарского языка *кура* – 1) *астр.* место, огороженное для скота, карда; 2) *тюрм.* ограда; 3) *кмишл.* ограда на могиле. Учитывая значения последних слов, а особенно сравнивая их со значениями в тунгусо-маньчжурских языках, можно предположить, что первоначальное значение корня *кур-* было 'огородить, защитить огородив'. Далее как дериват от этого корня возникло слово *курган*, которое означало 'защитить себя от врагов, огородившись высокой стеной'. Значение 'могильный холм, курган', скорее всего, вторично, возникло в результате переосмысления предыдущего значения.

2. В параграфе «Тюрко-монгольские лексические параллели» были рассмотрены лексемы, которые возникли в тюркских и монгольских языках вследствие их общего генетического происхождения или являются следствием древнейшего контактного развития, т.к. судить об их исконности или возможности заимствования в синхронии довольно сложно. Мы не стали рассматривать и явные заимствования из монгольского языка в отдельном параграфе.

Нами проанализирован следующий ряд слов, общих для данных семей языков: *кун-* 'ночевать; сделать привал', *калкан* 'щит', *нөгәр* 'дружинник', *улжа* 'трофей'.

Необходимо заметить, что многие из перечисленных слов в современном татарском языке считаются историзмами. К таковым относятся *нөгәр* 'дружинник', *улжа* 'трофей', *чирү* 'войско'. Эти слова уже не понятны носителям современного татарского языка, словари не фиксируют производные от них. Большинство исследователей их происхождение возводят к монгольским языкам.

Судя по письменным памятникам, до начала монопольного влияния арабского языка такие термины, как *улжа* 'трофей' и *чирү* 'войско' были довольно активны в языке, впоследствии же их вытеснили арабские эквиваленты *ганимәт* и *гаскәр*, последний из которых является литературной формой и в современном татарском языке.

Некоторые из данных параллелей сформировались как военные термины только в тюркских языках: *калкан*, *нөгәр*.

Лексический материал татарского языка дает несколько орфографических вариантов последней лексемы: *нөгәр*, *ногар*, *нөкар*, *нүгар*, *нүкар*, *нукер*, *нагар*, *наэр*. Слово *нөгәр* означало 'дружинник; телохранитель'. В толковом словаре

татарского языка *нэгэр* – ‘гвардеец, воин, служащий в гвардии хана в древних тюркских и монгольских государствах’. В энциклопедическом словаре *нүкэр* ‘1) воин, состоящий в ханской службе, чаще всего принадлежал к знатному роду; 2) в 13 в. титул военачальников, позже – рядовых воинов’. В близком к последнему значению слово это бытует и в восточных диалектах татарского языка, где *нүгэр* – это ‘соратник, слуга хана, богатыря’.

Исследуемая лексема имеет многочисленные общетюркские и монгольские параллели, с характерными для каждого из них фонетическими вариантами: тат. *нөгэр*, башк. *нөгэр / нэүгэр*, казах., к.-калп., туркм. *нөкер*, тур. *tüker*, аз. *нөкэр*, кирг. *нөкөр*, алт. *нөкөр*, кумык. *некер*, кар.-балк. *нөгер / джёнъер*, караим. *негер / нэгер*, уйг. *نوگەر [нөкэр]*, чув. *нүкер / некер*; п.-монг. *nökür*, монг. *нөхөр*, калм. *нөкр [нөкер]*, бур. *нүхэр*.

В древних источниках: *nükär, nökä, poga(r) [nögär]*. В трудах тюркологов: у Л.З. Будагова *نوگەر нукер*, уйг., алт. *нөкөр*, кирг. *нөгөр*, монг. *нукур*, у В.В. Радлова *нөкэр* (чаг. = перс. монг.) *нөкөр* (тел., леб.) = *нөкэр, нөгөр* (< казах.). Л.Т. Махмутова, исследовавшая лексику татарского языка в её отношении к древнеписьменному памятнику *Codex Cumanicus*, указывает, что тат. *нөгэр* является заимствованием из перс. *nögär*. По всей видимости, учёная опиралась на словарь Л.З. Будагова, где также стоит помета о персидском происхождении *нөгэр*. Однако, судя по всему, это слово само было заимствовано персами из монгольских либо из тюркских языков.

Семантическое поле слова в тюркских языках сводится к следующему: 1) тат., башк., к.-калп., ДТС, ‘дружинник’, В.В.Радлов ‘солдат’; 2) тат. диал., башк., казах., кирг., тур., туркм., ‘слуга (телохранитель) феодала (или хана, или богатыря)’, ДТС ‘соратник, боевой друг’; 3) кирг., ‘отрок (княжеский)’; 4) кирг. ‘свита жены или дочери хана’; 5) аз., уйг., кумык., караим., ДТС., Л.З. Будагов, В.В. Радлов ‘слуга’; 6) алт., кар.-балк., СС, Л.З. Будагов, В.В. Радлов ‘товарищ’, кар.-балк. ‘напарник, партнер, соучастник, компаньон’; 7) кар.-балк. ‘попутчик’; 8) кар.-балк. ‘союзник’; 9) тат., башк., чув. ‘товарищ жениха, дружки жениха’, тат. диал. ‘тамада, ведущий на свадьбе’; 10) тат. диал. ‘форма обращения’.

Семантическое поле в монгольских языках сводится к следующему: 1) монг., калм., бур. ‘товарищ, друг, приятель’; 2) бур. ‘товарищ, гражданин’; 3) монг., калм. ‘мужчина’, бур. ‘супруг, муж’; 4) бур. ‘жена, супруга’.

Помимо этого, данное слово зафиксировано и в словарях других языков. Ср. перс. *نوگەر [ноүкәр]* ‘слуга; лакей’, тадж. *навкар, нукар* ‘военный слуга феодала или правителя, подручный; слуга; лакей’, рус. *нукер* ‘служитель, отрок при господине, телохранитель; дружинник, воин личной охраны хана, князя и т.п. (у некоторых восточных народностей)’.

Что касается русского *нукер*, то в словарях А.Д. Михельсона (1865), М. Попова (1907), А.Н. Чудинова, (1910) указывается на его заимствование из татарского языка, В.И. Даль (1880) отмечает о кавказском происхождении слова. Словари и энциклопедии последних лет определяют монгольское про-

исхождение лексемы. Согласно М. Фасмеру, рус. *нукер* ‘телохранитель, слуга’ – заимствование из тюркских языков, которое происходит из монг. *pōkür* ‘товарищ’. Посредство тюркских языков отмечает и Е.Н. Шипова.

Чувашское *нукер* / *некер* рассматривается в «Этимологическом словаре чувашского языка» М.Р. Федотова, однако автор ограничивается перечислением слова в некоторых тюркских, монгольских и в русском языках, не впадая в подробные рассуждения о его происхождении. По мнению Р.Г. Ахметьянова, тат. *нәгәр* ‘дружки жениха; ист. дружинник’ тат. диал. *нәгәр, нүгәр*, чув. *нёкер*, карaim. *нәгәр*, кар.-балк., кумык. *негер* ‘соратник, боевой друг’ восходят к монг. *ногур*, откуда это слово было заимствовано многими языками. Относительно тат., башк., чув. значения ‘товарищ жениха, дружки жениха’ интересно мнение Р.Г. Ахметьянова, согласно которому поволжско-тюркский свадебный обряд как бы имитировал отношения между феодальными владетелями: брачующиеся стороны – ханы или бии (невестка – ханша, свекор – *биата*, свекровь – *биана* и т.д.). Следовательно, жених на свадьбе играл роль хана, а его друзья имитировали свиту, охрану, дружину, которых стали именовать как дружинников, а именно *нәгәр*. Так, в тарском, калмакском говорах татарского языка *нүгәр* ‘дружки жениха’, а в пермском говоре *кийәүнәэр, кийәүнәгәр* стал ‘тамадой, красноречивым, находчивым ведущим на свадьбе’.

Таким образом, в монгольских языках в семантике слова преобладает значение ‘близкий, надёжный человек; друг’. Будучи исконной, в этих языках лексема имеет широкую семантику и активно употребляется в качестве производной основы, имеет большое число дериватов. В тюркских языках семантика слова претерпела определённый сдвиг, где оно приобрело значение военного термина. В последних дериваты или отсутствуют вообще, или в них имеется небольшое их число, что характерно для заимствований. Широкое распространение данной лексемы в тюркских языках с общими для большинства из них значениями, а также довольно широкое семантическое поле указывают на то, что это слово было заимствовано в древнейшее время.

Таким образом, первоначально слово означало соратника, спутника, готового помочь в трудную минуту. В тюркских языках оно стало обозначать боевого друга, телохранителя, дружинника. Именно в этом значении оно использовалось в татарском языке, а также бытует в его диалектах. Ср. *нүгәр* в тевризском говоре ‘соратник, слуга хана, богатыря’. В дальнейшем, по всей вероятности, социальный статус данного сословия стал падать, и в некоторых тюркских языках *нәгәр* стал обозначать уже не соратника, а слугу, лакея.

Улҗа. В переводных русско-татарских словарях к словам ‘трофей, военная добыча’ обычно приводятся их эквиваленты *ганимәт, трофей, сугыш табышы*. Однако фольклорный материал дополняет этот ряд еще одним синонимом – *улҗа*, который по каким-то причинам не зафиксирован ни в одном современном толковом словаре татарского языка. Оно часто встречается в пословицах. Ср.: *Артык улҗа башка имгәк.* [букв. Излишняя военная добыча – беда голове]. *Ачкүз улҗа өчен үлә, көнчел көнләве белән бөлә.* [букв. Жадный

умирает за трофеей, завистливый своей завистью разоряется] и др. В такой же фонетической оболочке и с такой же семантикой слово употреблено и в дастане «Идегей». Ср.: *Кисмә-кисмә сары алтын, Мөһер суккан саф алтын, Энжә-гәүһәр, якутны Халкыма мин барын Кисеп улжа кылганмын!* [букв. ... золото, жемчуг... сделал я все это для своего народа добычей...]. В диалектах татарского языка слово бытует в нескольких фонетических звучаниях: *өлжә*, *өлца* (брб.), *улца* (тбл., тар.), *улжа* (кргл.) Кроме того, Р.Г. Ахметьянов в «Кратком историко-этимологическом словаре татарского языка» использует его в форме *улжә*, М.И. Ахметзянов при транслитерации «Шәжәри төрек» употребляет слово в форме *өлжә*. Слово также сохранилось в составе антропонима *Улжәбай*, которым, по мнению Г. Саттарова, нарекали мальчика-найдёныша.

Необходимо отметить и то, что улжа использовалось и в сочетании с арабским заимствованием эсир: [*Гүр хан*] *Өргәнечне чапты, өлжә вә эсир алды, калгасын камап утырды* [букв. [*Гюр хан*] пошел на Ургенч, захватил трофеи и пленных...]. Шәжәри төрек. Но, как видно из данного примера, улжа использовалось не для обозначения военнопленных, а имело значение трофеев (оружия, лошадей и т.д.), для обозначения же пленников употреблялось слово *эсир*. Использование этих слов вместе давало некое собирательное значение.

Данная лексема зафиксирована в некоторых древних письменных памятниках. В грамматическом трактате XIV в. «Ат-тухфа...» встречается в форме *өлжә*, где также даётся её производное *өлжәлә-*. В Codex Cumanicus зафиксирована как *өлжә*. В словаре Л.З. Будагова: *اولجه (ө)اولجه*. В.В.Радлов в своём словаре приводит практически все фонетические варианты этого слова в тюркских языках: *өлја* (шор.) = *өлјо*, *өлја*, *өлжә*; *өлјала-*; *өлјо* (алт., тел.); *өлјоло-*; *өлјолу*; *өлја* (тар.); *өлјо* (кирг.) = *өлја*; *өлча* (чаг.) = *өлжә*; *өлжә* (чаг., караим., монг.); *өлжәлә-*; *өлжәләш-*; *өлца* (коман.) = *өлжә*; *олдјә* (караим.) = *өлжә*; *олдјәлә-* (караим.) = *өлжәлә-*; *олдјә* (чулым., бар.) = *өлжә*; *олдјәоло-* (чулым., бар.) = *өлжәлә-*; *өлжә* (кирг.=казах.) = *өлжә*; *өлжәлә-* (кирг.=казах.); *өлжәлә* (кирг.=казах.).

Исследуемая лексема встречается во многих тюркских и монгольских языках: тат. *улжә*, башк. *ульә*, казах., к.-калп., кумык. *өлжә*, узб. *ўлжә*, туркм. *өлжә*, уйг. *ئولجا (өлжә)*, караим. *олдјә* / *олдза* / *өлца*, алт. *өлјо*, кирг. *өлжә*, тур. диал. *olca*, тув., шор., хак., тоф. *өлча*; монг. *өлз*, бур. *өлзо*, калм. *өлз [өлз]*.

Семантическое поле лексемы в тюркских языках сводится к следующему: 1) во всех языках, кроме алт. и шор., 'трофей, добыча'; 2) кумык. 'жена, супруга'; 3) хак. 'то, что добыто силой'; 4) караим., тат. диал., Л.З. Будагов 'военнопленный'; 5) алт., шор. 'плен'; 6) казах., тат. диал. 'прибыль'; 7) туркм. 'легко добытое имущество'; 8) тув. 'выгода, удача'; 9) тат. диал. 'радость – говорится при толковании, предсказывании'; 10) тув. 'перен. пополнение в семье (о только что родившемся ребенке)'.

В монгольских языках значения сводятся к следующему: 1) монг., калм., бур. 'выгода'; 2) калм., бур. 'прибыль, доход'; 3) калм., бур. 'добыча'; 4) монг., калм. воен. 'трофей'; 5) монг., калм. 'находка'.

Кроме этих языков слово зафиксировано и в маньчжурском языке: *олжси* '1) пленник, военнопленный; 2) добыча (военная)', *олжила*- '1) брать в плен; 2) представлять пленника (или отрубленную голову неприятеля); 3) добывать добычу'. Э.В. Севортян считает маньчжурское слово заимствованием из монгольских языков. В.И. Рассадин придерживается такого же мнения. Однако образование из данной основы глагола с помощью тюркского аффикса *-ла* позволяет усомниться во влиянии монгольских языков в появлении данного слова в тунгусо-маньчжурских языках. Кроме всего этого, фонетическая оболочка лексемы также более близка к тюркским языкам, поэтому данное слово могло проникнуть в маньчжурский посредством какого-либо тюркского языка.

Этимология слова не вызывает сомнений ни у одного исследователя: это монгольское заимствование в тюркских языках. Так считает Э.В. Севортян. Он же подчеркивает, что Г. Рамстедт, М. Рэсэнен, Н.Н. Поппе и Г. Дёрфер также указывали на монгольское происхождение лексемы. И В.И. Рассадин возводит тофаларское *олча* к монгольскому *олз*. Татарское *улжэ*, по мнению Р.Г. Ахметьянова, тоже монгольское заимствование. Все эти ученые единодушны в том, что слово образовано из монг. *ол*-, бур. *оло*- 'находить, обнаруживать, добывать, получать, приобретать'. Э.В. Севортян все же приводит мнение Б.Я. Владимирцова, по которому корень слова *олжса* могло иметь тюркское происхождение.

В монгольском языке слово имеет 12, в калмыкском – 16, в бурятском – 22 деривата с довольно близким для всех этих языков семантическим полем. Если провести подобное наблюдение в тюркских языках, то выявляется следующая картина. В кирг. слово стало плодотворной базой для образования дериватов. Киргизско-русский словарь К.К. Юдахина фиксирует порядка 12 производных данной основы. Чуть меньшее количество дериватов даёт казахский словарь. Семантика слов в казахском языке совпадает с киргизским. С довольно близким к монгольским языкам семантическим полем от тув. *олча* '1) находка, добыча; 2) выгода, удача; 3) *перен. разг.* пополнение в семье (*о только что родившемся ребенке*)' по данным словарей было образовано девять производных. Определённое количество производных наблюдается в караимском языке.

В остальных тюркских языках, где имеется это слово, от него не было образовано дериватов или же образовано не более 2–3. Ср.: башк., кумык., к.-калп., уйг., тур. диал., тоф. словари не фиксируют производных; в некоторых тюркских языках от исследуемой основы были образованы глаголы: тат. диал. *улчаллау* 'получить прибыль, иметь пользу', туркм. *олжоламак* 'захватить в качестве военной добычи', хак. *олчалирва* 'добывать что-л. силой (в бою, воровством)', шор. *олчала*- 'пленить, взять в плен', узб. *ўлжа қилмоқ* '1) захватывать трофеи (добычу); 2) *перен.* раздобыть', *ўлжа олмақ* 'захватывать, захватить трофеи', алт. *олжолоткон* 'пленный (напр., воин)', *олжого алар* 'взять в плен', *олжого кирер* 'сдаться в плен', *олжодо жүрер* 'быть в плену'.

Таким образом, в тюркских языках наблюдается меньшее количество дериватов от *улжса*, чем в монгольских, что и является несомненным доказательством его монгольского происхождения. К тому же, исследуемая лексема

в современных монгольских языках не утратила своего активного употребления, тогда как в большинстве тюркских она перешла в разряд историзмов. Однако термин в свое время достаточно широко использовался в некоторых тюркских языках в качестве словообразовательной основы. Кроме этого, слово в близкой к тюркским языкам форме зафиксировано и в маньчжурском языке. Семантическое расширение лексемы практически во всех исследуемых языках происходило в одном направлении, т.е. и основа, и производные по своему содержанию совпадают. Есть еще один момент: в мусульманских тюркских языках в письменной и научной литературе доминировал арабский язык, поэтому слово *улжа* могло быть вытеснено из обихода арабским заимствованием *ганимат*. По нашему мнению, это слово издревле было общим для тюрко-монгольской общности далеко до монгольских завоеваний, т.к. столь широкое употребление и распространение его по схожей форме и единому содержанию не могло бы произойти за столь короткий период.

3. Третий параграф II главы – «Общетюркский пласт военной лексики». Для большинства тюркских языков, в том числе и татарского, подавляющее большинство активной лексики составляет общетюркский пласт. Анализ показывает, что военная лексика занимает относительно большое место в составе общетюркского пласта. В предложенной классификации по лексико-семантическим группам даётся наиболее распространённая часть общетюркской военной лексики, т.к. основную её массу в татарском языке составляет именно данный пласт.

1) *Названия оружия, орудий и их видов.* Данная тематическая группа оказалась самой богатой. В её составе выделены следующие лексико-семантические группы, отражающие характер применения, процесс развития оружейного дела:

а) название оружия вообще: *корал* 'оружие';

б) названия рубящего и режущего оружия: *айбалта* 'секира', *кылыч* 'сабля, меч'.

в) названия колющего и метательного оружия: *пычак* 'нож', *сөңге* 'копье, пика'.

г) названия ударного оружия: *күсәк* 'дубина', *чукмар* 'булава, кистень', *суел* 'дубина, палица'.

д) названия орудия, предназначенного для стрельбы, и его части: *жәя* 'лук', *кереш* 'тетива'.

е) название огнестрельного оружия: *мылтык* 'ружьё', *туп* 'пушка'.

ж) названия стрелы и ее наконечников. Эта подгруппа сама делится на несколько микрогрупп: 1) самым распространенным названием стрелы в тюркских языках является *ук* 'стрела'; 2) названия наконечников стрел: *башак*, *очлык* 'наконечник стрелы'. Ср: аз. *учлуг*, казах. *уштык*, к.-калп. *ушлык*, кирг. *учуна кийгизгич*, ног. *ушлык*.

Даже простое перечисление видов оружия ясно показывает, что тюрки были хорошо знакомы с различными его видами, изготавливали их и умело пользовались ими.

2) **Названия защитного снаряжения.** Защитное снаряжение было призвано обезопасить воина от поражения во время боевых столкновений и единоборств. Надеваемое и одеваемое оборонительное снаряжение называлось *савыт* 'панцирь, латы'.

3) **Название футляров для хранения оружия.** Для хранения сабель, мечей, кинжалов использовались ножны – *кын* / *кыны*, в некоторых тюркских языках футляр для хранения ножа назывался *кынап*.

4) **Названия воинских соединений.** По свидетельству исторических источников, большинство тюркских войск, в том числе татарские, имели чёткую дифференциацию, отличались мобильностью и строгой дисциплиной. Военные отряды формировались ополченским способом: десятка – *ун*, сотня – *йөз*, тысяча – *мең*, десять тысяч – *төмән*. К названиям, обозначающим функции воинских подразделений, мы отнесли: *кул* или *канат* 'крыло, фланг', *уң кул* 'правый фланг', *сул кул* 'левый фланг'.

5) **Названия различных воинов, бойцов:** алып 'рыцарь', укчы 'стрелок', сакчы 'караульный, часовой', олан / оглан / углан 'гвардеец'.

6) **Слова, обозначающие военачальников.** В данную группу мы отнесли *меңбашы* 'тысячник, предводитель тысячи воинов', *субашы* 'полководец', *төмән башы*, *төмән бәгге* 'предводитель десяти тысячного войска, темник', *йөзбашы* 'сотник', *унбашы* 'десятник'.

7) **Названия отдельных эпизодов военного театра.** Военное дело состоит не только из отдельных предметов, вещей, оружия, снаряжения и людей, пользующихся ими. Важнейшей частью военного дела является и стратегия, воинская тактика, поэтому военная лексика включает также слова и выражения, отражающие боевые действия. Данная ЛСГ подразделяется на следующие микрогруппы:

а) слова, обозначающие понятия «битва»: *кыргын* 'кровавое побоище', *орыш* 'битва; драка; сражение', *тукыш* 'война', *сугыш* 'война'.

б) слова, с понятием «окружить»: *кама-у*, *камап алу* 'окружение; окружать, окружить'.

в) слова с понятием «стрелять; произвести выстрел; выстрел»: *ат-у* 'стрелять; стрельба', *атыш* 'стрельба, пальба'.

г) слово, обозначающее победу: *жиңу* 'победа; победить'.

8) **Название мишени.** Во многих тюркских языках мишень передавалась и передается словом *мәрә* / *мәрәй*.

9) **Название символов и воинских реликвий воинской части.** К таким символам в первую очередь относятся боевые знамена, которые олицетворяют её честь, доблесть, славу и боевые традиции, указывают на предназначение воинской части и её принадлежность. В большинстве тюркских языков знамя передается лексемой *байрак*.

10) **Наименования трофеев и пленных.** Не всякая война направлена на полное уничтожение противника. Целью войн могут быть захват земель, имущества, угон скота (*барымта*), кровная месть и т.д. Поэтому в составе военной лексики выделяются и такие подгруппы:

а) наименования пленных: *бөлген, тоткын* 'пленник', *тотсак, туснак* 'пленный раб', *тел* 'язык – пленник из лагеря противника, используемый для получения информации'.

б) в данную ЛСГ мы посчитали нужным включить и наименование снаряжения, надеваемого на пленных: *богау* 'оковы, кандалы'.

Как уже было отмечено выше, данная классификация не является исчерпывающей. Большое количество военной лексики, спорные моменты в происхождении и др. не позволяют включать каждую лексему в предложенную систему группировки терминов.

Как показывает классификация на основе лексико-семантических групп, данная лексика характеризует целостную систему самостоятельной армии государственного уровня, т.е. они встречаются практически во всех (*ат* – 'стрелять', *ук* 'стрела', *орыш* 'битва, сражение' и др.) или во многих (*мылтык* 'ружьё', *сакчы* 'караульный, часовой', *кама-* 'окружить' и др.) тюркских языках, некоторые характерны для отдельного ареала.

Практически все общетюркские военные лексические единицы зафиксированы в древнетюркских письменных памятниках. Этот пласт в данной тематике является стержневым пластом. Данное обстоятельство имеет немаловажное значение для этногенетических выкладок. Оно доказывает древность тюркского мира, развитость его государственной организации с древнейших времен.

4. В параграфе «Займствования» анализируется заимствованный пласт военной лексики в татарском языке. Слова иноязычного происхождения сгруппированы по языкам-источникам.

К наиболее древним заимствованиям относятся лексемы китайского и персидского происхождения. Немногочисленные китайские заимствования военного характера в тюркский язык проникли довольно давно, когда тюркские народы представляли собой единое целое и, поэтому, эти заимствования распространены в большинстве тюркских языков. Во многих из них они претерпели переосмысление и сдвиг в семантике. В свою очередь из тюркских эти китаизмы были заимствованы и другими языками, которые долгое время имели культурные, торговые, военные и др. контакты с ними. В современном татарском языке все эти заимствования являются устаревшими словами.

Вышедшая из употребления сегодня лексема *ту* 'штандарт, знамя' в татарском языке встречается только в эпических и исторических произведениях.

Термин *чура* претерпел в татарском и в некоторых других тюркских языках определенный семантический сдвиг, из дружинника стал означать раба. В современном татарском языке встречается, как правило, в качестве компонента антропонимов и топонимов.

Многие персидские заимствования (*нэйзэ, гөрзи, жәң*) распространены в большинстве тюркских языков. Например: тат. *нэйзэ* / *найза*, башк. *найза*, казах., узб., кирг., туркм., к.-калп., ног. *найза*, уйг. نەيزە (*нэйзэ*), аз. *низэ*, тур. *nize* < перс. نيز (*нэйзэ*) тадж. *найза* 'пика, копьё';

тат. *гөрзи*, башк. *гөрзөй*, казах. *гүрзі*, узб. *гүрзи*, уйг. *گورزه* (*гөрзэ*), кирг.: *күрсү* / *күрзү*, туркм. *гүрзи*, аз. *күрз*, тур. *gürz* < перс. *گړزی* (*гүрзи*), тадж. *гүрз* ‘булава, палица’;

тат. *жәң*, башк. *жәнк*, узб. *жанг*, уйг. *چاڭ* (*жәң*), туркм. *жәң*, аз. *чәнк*, тур. *çenk*, к.-калп. *жәң*, кр.-тат. *дженк* < перс. *چنگ* (*жәңк*), тадж. *жанг* ‘битва, война’.

К персидским заимствованиям в татарском языке, имеющим отношение к военному делу, нами были отнесены и следующие лексические единицы: *баһадир* بهادر ‘богатырь, герой’, *бийбуд* بهبود ‘бейбут (род кинжала)’, *жәбә* جبە ‘доспехи, броня, латы’, *зәнбарак* زنبارك ‘пушка; самострел’, *зирәһ* زره ‘1) кольчуга; 2) броня’, *ләшкәр* لشكر ‘армия, войско’, *ләшкәргяһ* لشكرگا ‘лагерь, стан (военный)’, *маһичә* ماهيچه ‘изображение полумесяца на минарете мечети или на древке знамени’, *навәк* ناولك ‘стрела’, *пасбан* پاسبان ‘1) сторож, караульный, часовой; 2) полицейский’, *пәһлеван* پهلوان ‘1) герой, витязь; 2) чемпион, силач, атлет, борец’, *сәрдар* سردار ‘главнокомандующий, военачальник, командир, полководец’, *сипаһ* سپاه ‘войско, армия’, *сипаһи* سپاهي ‘военный, войсковой, армейский’, *суари* / *совари* سوارى ‘всадник, наездник, верховой’, *төфәһ* / *төфәң* تفنگ ‘ружьё, винтовка’, *шәбхун* شبخون ‘ночное нападение, ночной набег, внезапная ночная атака’, *шәмшир* شمشير ‘сабля, шашка, меч’, *шүриш* شورش ‘восстание, мятеж, бунт’, *шүриши* شورشي ‘мятежный, восставший; бунтовщик, инсургент’.

Кроме этого есть и такие лексемы, состоящие из арабского и персидского компонентов, которые, несомненно, были образованы в персидской среде и уже оттуда заимствованы в татарский. К примеру: *жәвәләһгяһ* جوانگاه ‘поле битвы’, *каһәрман* قهرمان ‘герой, богатырь’, *хәрбгяһ* حربگاه ‘поле битвы’.

Арабские заимствования занимают значительное место в современном татарском языке. Проникновение их в западно-тюркские языки в широких масштабах произошло относительно недавно, а именно – начиная с X в. н.э., то есть с началом проникновения ислама. Все военные арабские заимствования можно разделить на два пласта – арабизмы, проникшие через разговорный (и в большей степени в разговорный) язык, и арабизмы, проникшие через письменный язык.

1. Следует отметить, что с принятием ислама в языке осуществляется большой рывок. С активизацией использования арабизмов широко употребляемые в разговорном языке исконные или заимствованные ранее военные термины были вытеснены ими. Многие из этих арабизмов закрепились и в современном языке. К таковым относится, например, слово *гаскәр* ‘войско, армия; воин’, которое заменило *ләшкәр* (перс.), *чиру* (тюркомонг.), *ю* (тюрк.), *су* (кит.). Из арабского же во многие языки, в том числе и в татарский, проникло и прилагательное от данной основы *гаскәри* ‘военный; воинский, войсковой’, довольно продуктивно используемое и в современных тюркских

языках, а так же образованное в языке-оригинале существительное ‘военный, военнослужащий (человек)’ (в араб. ‘рядовой, солдат’).

Другим широко употребляемым арабизмом в современном татарском языке является прилагательное *хәрби* ‘военный’ от существительного *хәрб* / *хәрәб* ‘война’. Как имя существительное оно встречается в старотатарском языке. По всей вероятности, оно использовалось в письменных языках: узб. *хәрб*, уйг. *هەرب* [hərp], аз. *хәрб*, тур. *harb*, кр.-тат. *арб*, в том числе перс. *حرب* (hərb), тадж. *хәрб*. Однако как прилагательное встречается чаще: башк. *хәрби*, узб. *хәрбий*, уйг. *هەربى* [hərbij], туркм. *харбы* [y:], аз. *хәрби*, тур. *harbi*, кр.-тат. *arbiy*, а также в перс. *حربى* (hərbij), тадж. *хәрби*. Надо заметить и то, что в татарском лексема *хәрби* претерпела определённый сдвиг в семантике и стала играть роль существительного в значении ‘военный, военнослужащий (человек)’ (Ср. с *гаскәри*). На наш взгляд, это произошло под влиянием русского языка. Кроме этого, в произведениях некоторых писателей прошлых столетий встречается и форма женского рода данной лексемы – *хәрбия*, заимствованная в таком виде из языка оригинала.

Широкое употребление во многих языках, в том числе татарском, получило арабское слово *ганимәт* в значении ‘военная добыча, трофей’. Оно зафиксировано в пословицах, во фразеологических единицах, т.е. проникло и в разговорную речь. Лексема получила распространение в следующих языках: башк., аз. *ганимәт*, казах. *ганимет* / *ганибет*, узб. *ганимат*, уйг. *غانىمات* (*ганимәт*), тур. *ganimet*, кр.-тат. *гъанимет*, а также перс. *غنىمت* (*ганимәт*) тадж. *ганимат*. Данное слово заменило *улжа* (монг.), а в последнее время вместо него чаще используют выражение *сугыш табышы* ‘военная добыча’.

Следующая из активно употребляемых военных арабских лексем – *әләм* ‘знамя, флаг’. В других языках: башк., аз., уйг. *әләм*, казах., туркм. *әлем*, тур., кр.-тат. *алем* узб., кар. *алам*. Р.Г. Ахметьянов подчёркивает, что данное слово широко использовалось во времена Казанского ханства, т.к. заимствовано в чув. *әлем* и мари. *äläm*. В старотатарских текстах и словарях, например в словаре А. Троянского, слово пишется через арабскую букву ع, которая обычно в татарском читается как г (т.е. *галәм*). Однако в языке закрепился разговорный вариант лексемы. Следует отметить, что наряду с *әләм* в тюркских языках немало синонимичных слов с семантикой ‘знамя’: *байрак*, *ялау*, *санжак*, *кутаз*, *туг*, *өләнҗе*, которые отличались друг от друга какими-то элементами или формами.

2. Наряду с этим в татарском языке было значительное количество книжных арабизмов, которые проникали через труды и творчество образованной, знающей восточно-мусульманские языки интеллигенции. Большая часть этих слов современному носителю языка непонятны, и без словарей трудно разобраться в их значениях. К таким книжным арабизмам мы отнесли: *гаду* ‘враг; полчище, рать’, *галәбә* ‘победа’, *гыйсьян* ‘мятеж, бунт’, *забит* ‘офицер’, *зафәр* ‘победа’, *кавәс* ‘лук’, *лива* ‘знамя’, *мәлхәмә* ‘погром, резня’, *мизрак* ‘дротик, копьё, пика’, *мөбарәзә* ‘поединок’, *мөхәрәбә* ‘война, сражение’,

нәфәр ‘солдат, рядовой’, *нишан* ‘мишень, цель’, *сәеф* ‘сабля’, *силаһ* ‘оружие’, *фәтөх* ‘завоевание’, *хәмлә* ‘нападение’ и сотни других слов. Примечательно, что данные заимствования встречаются практически только в письменных тюркских языках. Ср.: тат. *гыйсьян*, башк. *гисьян* (скорее под влиянием поволжского тюрки), узб. *исён*, уйг. *ئىسيان* [*исьян*], аз. *үсјан*, тур. *isyay*, кр.-тат. *исьян*; перс. *عصيان* (*осьян / эсьян*), тадж. *исьён*; тат. *мөхәрәбә*, башк. *мохарәбә*, узб. *муҳораба*, аз. *муһарибә*, тур. *muharebe*, кр.-тат. *муаребе* и т.д.

Русские и западноевропейские заимствования стали проникать в татарский язык после падения Казанского ханства в середине XVI в. Мы разделили русские заимствования по периодам наиболее активного проникновения военной терминологии в татарский язык.

1) Первый этап активизации военных русизмов охватывает конец XVII, и особенно конец XVIII в. – период Крестьянской войны 1773–1775 годов под предводительством Е.И. Пугачёва. Для командования войсками, составления манифестов, рапортов, реестров и т.д. наряду с русским использовался и татарский язык. Внедрение в разговорный язык русских заимствований отразилось и на деловых письменных памятниках этой эпохи. Многие из этих заимствований были приспособлены к фонетической системе татарского языка, способствовало этому и арабское письмо, в котором передавать определенные звуки русского языка было невозможно: *әрмийә*, *әфисәр*, *баталийә*, *бужсай / пужай / пужсар* (фузея), *бумбу*, *гучар*, *изминшик*, *йанарал*, *йүдүрә / йадүрә*, *каманда*, *камандир*, *канбуй*, *майур*, *пахут*, *пулкувник / пулкунник*, *пулук / пулык*, *салдат / салтат*, *саржант*, *сутнә*, *сутник*, *уржийя*, *ыстаршина* и др.

2) Вторым периодом активного проникновения заимствований стал период Революции 1905–1907 гг., Первой мировой войны, Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. Этот период отличается следующими особенностями в отношении к татарскому литературному языку:

Во-первых, в конце XIX – начале XX вв. перед большевистской партией встала задача активного вовлечения многомиллионной массы нерусских национальностей, составляющих более половины населения Российской империи, в общепролетарскую борьбу за свержение существующей власти. Решение этой задачи большевистская партия неразрывно связывала с политическим просвещением населения на его родном языке. В этот период начинается активная пропаганда: печатаются и создаются от руки многочисленные листовки, прокламации, лозунги и т.д., подавляющее большинство которых было переводным – они выпускались на русском и татарском языках одновременно. В них встречается немало и военной лексики: *салдат*, *вуйсқа*, *пабеда*, *вайунный палажсинийә*, *флут*, *ривалутсийә*, *казарма*, *гвардийя* и др.

Во-вторых, одним из огромных приобретений татар в период Первой русской революции было получение разрешения на периодическую печать. Среди всей совокупности татарской периодической печати появились газеты и журналы, ориентированные на освещение военной жизни страны. На стра-

ницах этих газет стало появляться большое количество русских и западноевропейских заимствований, касающихся военного дела, ранее неупотребляемых в татарском языке. Надо заметить и то, что и в этот период большинство заимствований приспособлялось под фонетику и основанную на арабизе графику татарского языка, например: *салдат, армийис, пихуты, гинирал, адйутант, паднаручик, пазитсийэ* и др.

В-третьих, освоение огромного количества русских и западноевропейских заимствований было весьма нелегкой задачей для населения, поэтому переводчики вынуждены были искать соответствия этих слов в родном языке. В процесс терминообразования начинает активно внедряться калькирование. Попытку создания новых военных терминов путем калькирования с русского языка совершили и авторы «Русско-татарского словаря военных терминов (толмача)» 1926 г., где приводится немало слов, которыми пользуются и сегодня (*линия – сөзөк, наводка – тәзәу* и др.) и которые не нашли применения в литературном языке (*ряд – ниргә; рядовой – рятдәге, дәрәджәсез; смирно – төнчлан; шомпол – төггөч, шөбөн* и др.). Такие лексические единицы, как *уксибәр* ‘пулемёт’, *алтатар* ‘револьвер’, *үрә кат / үргә кат* ‘смирно’ и др., являются примерами из этого ряда.

3) Третий период активного проникновения русских и западноевропейских заимствований военного характера приходится на время Второй мировой войны. Важнейшей особенностью данного периода является смена в 1939 году графики с латиницы на кириллицу, что позволило писать заимствования так же, как в языке источнике. Это в свою очередь, привело к фонетическим изменениям в произношении, т.е. русские и западноевропейские заимствования проникли в татарский язык в том виде, в каком они были освоены русским языком. В этот период татарским языком были заимствованы из русского *артиллерист, бойница, взвод, взводный, винтовка, генштаб, дневальный, дот, запал, застава, зенит* и др.; французского *амбразура, артиллерия, арьергард, атака, бастион, батальон, баиаряя, блиндаж, бомба, гарнизон, дезертир, дивизия, калибр, капитан* и др.; немецкого *гаубица, гаупвахта, генералитет, гильза, лафет* и др.; итальянского *граната, казарма* и др.; английского *блокада* и др. и т.д.

В третьей главе «Функционально-семантические особенности военной лексики в современном татарском языке» освещены особенности использования исследуемой лексики в различных письменных жанрах современного татарского языка.

Традиционная военная лексика татарского языка в основном относится к пассивной лексике словарного состава. В параграфе «Разновидности устаревшей военной лексики в татарском языке» дана классификация обозначенной лексики по степени устарелости, которая делится на 1) старинную или непонятную и 2) относительно понятную носителям языка.

1. 1) К непонятным устаревшим терминам мы отнесли *атаҗ* ‘мишень’, *атим* ‘стрелок’, *азаq* ‘шальная стрела’, *badruq* ‘знамя’, *bögddä* ‘кинжал’, *jasiç* ‘длинный, плоский наконечник стрелы’, *jatyaq* ‘караульный’, *jelmä* ‘подвиж-

ный отряд, совершающий набег’, *кеѝ* ‘колчан’, *дәрвазә* ‘ворота крепости’, *зафәр* ‘победа’, *мөкатәлә* ‘резня, сражение’, *сәйф* ‘меч, сабля’, *тәпәнк* ‘ружьё’, *әгьдә бул-* ‘быть врагами’, *гарз* ‘вражда’, *мөбариз* ‘воин-единоборец’, *носрәт* ‘победа’, *силах* ‘оружие’, *тукуш* ‘битва, сражение, бой’, *хисар* ‘крепость’, *болжар* ‘место сбора войск’, *иравыл* ‘авангард’, *кирәүкә* ‘доспех’, *саугат* ‘вознаграждение за подвиг’, *соргавыл* ‘разведчик, оставленный позади основного войска’, *тоткавыл* ‘страж у ворот’, *чагдавыл* ‘арьергард’, *шайман* ‘вооружение и доспехи в совокупности’ и др.

Эти слова совершенно забыты и в современном языке не употребляются вообще, поэтому по степени архаизации они находятся на первом месте. Эту группу устаревших слов можно назвать древними или старинными архаизмами и историзмами.

2) К несамостоятельным устаревшим словам относятся слова, давно утратившие свое самостоятельное значение, но сохранившиеся в языке в составе парных слов в качестве второго компонента. Вторые части этих слов современному носителю языка уже непонятны, хотя когда-то были синонимами первых компонентов. Некоторые из них используются в других тюркских языках. Среди военной лексики таких слов немного. В качестве примера можно привести слово *ярак*. В современном татарском языке оно самостоятельно не употребляется, а является вторым компонентом парного слова *кирәк-ярак*, которое в первую очередь имеет собирательное значение ‘принадлежности, необходимые вещи’. Современное его значение отделилось от военной тематики. Однако в контексте оно может означать и ‘снаряжение, амуниция’. Как видно из примера, семантика данного слова преобразовалась. Первичное его значение *jaraq* толкуется как ‘панцирь, кольчуга’. Второе слово, которое можно отнести сюда же – *азык-төлек* ‘продовольствие, продукты питания, провизия’, где второй компонент *төлек* означал ‘средство для пропитания, фураж, уплата’. Таким образом, можно отметить, что словом *төлек* обозначали продукты для воинов и корм для лошадей.

2. Вышедшие из употребления, но в определенной степени понятные слова были разделены на четыре группы: 1) собственно устаревшие слова: *алай* ‘полк’, *углан* ‘гвардеец, воин гвардии’, *утлуг йәдрә* ‘снаряд, «огненное ядро»’, *кирмән* ‘крепость’, *унбашы* ‘десятник’, *йөзбашы* ‘сотник’, *меңбашы* ‘тысячник, тысяцкий’, *утчагыр* ‘пушка’, *улҗа* ‘военная добыча’, *чиру / чәрик* ‘войско, армия’ и др.

2) Понятные устаревшие слова, но семантика которых с течением времени изменилась. Например, слово *алпавыт* в толковом словаре представлено как ‘помещик’, однако его первичное значение *alpaui* – ‘герой, богатырь’. Сдвиг семантики можно объяснить тем, что многие воины после больших побед получали в качестве вознаграждения определённые территории и становились их хозяевами. Таким образом, с течением времени из военногословия они переходили в дворянское. На данный период развития лексики этот пласт является собственно архаизмами или историзмами.

3) В синонимических рядах встречаются слова, которые в современном состоянии языка общеупотребительны в относительно равной степени и понятны носителям языка. Однако есть среди них и потенциальные архаизмы, т.е. слова, которые в будущем могут выпасть из активного употребления. Среди военной лексики таковые тоже имеются: *батыр* – *пәһлеван* ‘герой’, *гаскәр* – *армия* ‘армия’, *һәҗүм* – *атака* ‘нападение, атака’, *әсир* – *плен* ‘пленник’, *боерык* – *әмер* ‘приказ’, *чукмар* – *гәрзи* ‘булава’, *гыйсьянчы* – *бунтарь* ‘бунтарь’, *кавалерия* – *атлы гаскәр* ‘кавалерия’, *кальга* – *ныгытма* ‘крепость’, *солдат* – *гаскәри* ‘солдат’ и др. А некоторые единицы из этой группы в последнее время, наоборот, стали более активно употребляться в связи с изменением языковой ситуации в республике. Как видно из примеров, приведённых выше, одно из слов из синонимического ряда является исконно-тюркским, другое – заимствованием. В современном татарском языке эти слова находят применение в различных стилях: в поэзии, художественной и научной литературе, публицистике.

4) Кроме этого выделяются искусственные устаревшие слова. К ним относятся единицы, которые были придуманы журналистами, писателями, лексикографами, но не прижились или скорее всего не приживутся в живом языке. Такие слова имеются также среди военных терминов. Например, в «Кратком русско-татарском словаре военных терминов (толмаче)» 1926 года таких искусственных терминов встречается очень много: *ниргә* ‘ряд’, *рятдәге*, *дәрәдҗәсез* ‘рядовой’, *тәҗҗөч*, *шөбөн* ‘шомпол’ и др.

В параграфе «Военная лексика в научно-учебно и научно-популярной литературе» рассмотрены особенности функционирования исследуемой области лексики в научной литературе, которые были сведены к следующим пунктам:

1) **Использование общеупотребительной военной лексики.** Сюда включается военная лексика, использовавшаяся в различные эпохи, в различных письменных источниках и т.д.: *сөңге* ‘копье, пика’, *кылыч* ‘меч; сабля’, *чукмар* ‘булава’ и др. *Алтын яки көмеш савыт-сабалар, туры кылыч, кәкрә кылыч, жәя һәм ат дирбияләре – болар бар да бу хәрби культураның тәп, мәҗбүри әсбаплары булып тора.* Татар халкы тарихы. Данный пласт составляет основу военной лексики в научной литературе.

2) **Синонимичные слова (термины) с различной активностью употребления в разные эпохи.** Например, ‘армия, войско’ в разные эпохи передавалось различными словами: *гаскәр, чирү, ләшкәр, яу, сү.* Однако в современной научно-учебной литературе преимущественно используется только слово *гаскәр*. Такая же картина наблюдается и с синонимическим рядом *сугыш – орыш – яу – жәң – мөхәрәбә* ‘война, битва’ и т.д. Из этого ряда, как правило, в учебниках используется лишь слово *сугыш*.

3) **Использование поздних заимствований.** К подобным заимствованиям из русского языка мы относим такие лексемы, как *поход, ставка, шлем* и др. По нашему мнению, эти слова имели и традиционные соответствия, утерянные или со временем вытесненные из научного оборота (*поход – сәфәр, став-*

ка – урда, ыстан). «Татар изуеннән котылу» татар ханын православие патшасына алыштыруга һәм хан ставкасын Мәскәүгә күчерүгә генә кайтып кала. Татар халкы тарихы.

Ещё один подобный пример – *праца*, которая в татарском языке имеет эквивалент *сапан, саткан*. «Русско-татарский толковый словарь исторических терминов», к сожалению, не представляет его как татарское соответствие, предлагает оставить слово без перевода, как в русском языке: *праца – праца*.

Ярким примером является использование слова *шлем*. Шлемы были различной формы, в разное время их называли разными словами, Р.Г. Ахметьянов приводит целый ряд названий шлемов в татарском языке: *кирагә, тулка, алпак*, также использует слово *очлам*, от которого, по его мнению могло быть образовано и русское *шлем*. Ещё одним видом шлема был *шишәк* или *чичәк*.

Таким образом, использование поздних заимствований оказывает отрицательное влияние на военную культуру, историю татар, т.к. отсутствие употребления самобытных соответствий в языковом материале создаёт впечатление, что с такими видами оружия, явления и т.д. тюркские народы вовсе не были знакомы.

4) *Термины, образованные не на собственной основе татарского языка*. Речь идет о калькировании понятия, которое имеет эквивалент в татарском языке. Такие случаи можно наблюдать и в переводных трудах, касающихся военной тематики или даже написанных на татарском языке. Несколько примеров: *Бу ныгытмаларны болгар бабаларыбыз XII гасыр ахырында төзегәннәр, ә инде соңрак, XIV–XV гасырларда булса кирәк, эжимерик ташлаганнар*. Ф.Хужин. На наш взгляд, слово *ныгытма* ‘укрепление, крепость’ в татарском языке – калька с русского. В исторических письменных памятниках это слово не встречается, тогда как вместо него обычно использовали слова *каср / касыр, хисар, калья, курган кирмән*.

«Русско-татарский толковый словарь исторических терминов» предлагает перевести на татарский *самострел* словом *узаткыч*, т.е. калькой (*уз* – сам, *аткыч* – предназначенный стрелять). Эта калька нами в учебной литературе замечена не была, однако она встречается в художественных произведениях и в некоторых словарях. *Гомумән, һәр көймә, һәр казак корал белән бик нык тәэмин ителгән иде, алар үзләре белән Уралга мылтыктан башлан узаткычын, пищален, аркебузын, балта һәм кылычын, ук һәм жәясен – барысын да алып килгәннәр иде*. Ф.Бәйрәмова. В турецком языке, к примеру, самострелы называют ‘*tatar yayı, kundaklı yay, kurmalı yay*’.

Калькирование понятия, имеющего эквивалент в татарском языке, является довольно распространённым и общим недостатком, который наблюдается в переводах с русского языка переводчиками-неспециалистами с недостаточными в данной области знаниями.

5) *Истолкованные или переведённые термины*. Самым удачным использованием военных терминов являются именно такие случаи, т.е. авторы статей или учебников рядом с современным понятием дают его эквивалент на татарском или старотатарском языках. Примеры из монографии И. Измай-

лова: *Особой группой копий, судя по размерам наконечников и древка (около 1,5 м), являлись метательные копья, или дротики (по-русски – «сулицы», а в мусульманском мире – «джериды»), которые предназначались для поражения противника на расстоянии.*

Кроме эмирского штандарта каждый бек и его отряд, видимо, имели свой флаг (в тюркской традиции, очевидно, назывался также «гэлэм», а в арабской – «алам», или «лаива»).

Служивая часть дружины называлась «хашамом».

В работах, написанных на татарском языке, исторические слова обычно толкуются: *Ясауллар (сарайда салым жыю, хәрби табышыны хисаплау белән шөгъльләнүче хезмәткәрләр), <...> дэгъвәтче (гаскәр туплау белән шөгъльләнгәннәр), <...> нөкәрләр дип хан тирәсендәге аксөякләрне атаганнар.* Татар халкы тарихы

Для детального анализа исследуемой лексики в параграфе «Традиционная военная лексика в художественной литературе» было изучено несколько исторических романов: «Сызгара торган уklar» («Свистящие стрелы») Н. Фаттаха, «Сөембикә ханбикә һәм Иван Грозный» («Суюмбика-ханбика и Иван Грозный») М. Хабибуллина, «Күчем хан» («Кучум хан») Ф. Байрамовой. Сплошная выборка военной лексики из данных произведений показала некоторые особенности использования такой лексики.

1) Использование исторической лексики для создания атмосферы эпохи. В романе «Свистящие стрелы» Н. Фаттаха историческая лексика использована в большом количестве, что однако не затрудняет читателю понимание, а наоборот, позволяет более ярко предствить описываемую в произведении эпоху. Используя большое количество военной терминологии, автор подчёркивает высокую организованность военной системы у древних тюрков. Примеры из текста: *Яңа жирдә Албуга атасы биргән кизг өөн корып куйды, меңбашлары, карачылар, торгак агалары, багалар билгеләде һәм үзенә буйсынган аксөякләрне жыеп, һәркемгә көтулекләр бирде.*

Кулга алынган ирләрне шундук Салчак алып белән Исәнтәй янына алып киттеләр.

Чирүенче унга, йөзгә, меңгә, төмәнгә бул. Унбашлары, йөзбашлары, меңбашлары, төмән бәкләре билгелә.

Для создания атмосферы той эпохи автор предложил читателям ещё понятные им, не совсем выпавшие из употребления устаревшие слова, используя их как изобразительные средства. На основе исторических документов он воссоздал образы отдельных личностей, события, имевшие место быть в истории, пропустив все это через свою фантазию.

2) Использование индивидуально-авторских неологизмов. В качестве таких же изобразительных средств для создания атмосферы описываемой эпохи авторы произведений предложили читателю свои военные окказионализмы. Например: *жансакчы* ‘телохранитель’ (букв. ‘хранитель души’). *Жангали хан тирәли жансакчылары баскан.* М.Хабибуллин; *коралханә* ‘хранилище оружия или мастерские по изготовлению оружия’. *Ә ул әнә, кайда*

атына атланып, кайда каекка утырып, ханлыкның бер башыннан икенче башына йөри, ил-эҗирне кяферләргә каршы көрәшкә тугый, коралханәләрнең эшен барлый, яу кырына сугышчылар барлый... Ф.Бәйрәмова; кылычлы 'вооруженный мечом (саблей) воин'. – Сафа Гәрәй хан атаң Йосыф бәктән Казанны кире кулыма төшерәм, сәнең биләмәң итәм дип гаскәр сораган, атаң, хәленә кереп, утыз мең кылычлы биргән, диләр. М.Хәбибуллин; тупсабаш 'стражник у порога'. Ханбикә аларның барысын да тәхет ягына дәшеп алды, алгы якта тупсабаш белән Искәндәр икәү генә калдылар. М.Хәбибуллин; утлы таяк 'ружьё' (букв. 'огненная палка'). Күчем Бохарадан утлы таяклар да кайтартып карады, Кырымнан туглар соратты, эмма аларга да даими рәвештә дары, ядрә кирәк булып чыкты. Ф.Бәйрәмова; яутун 'доспехи; кольчуга'. Биредә, Алтын Урда ханнарының булат кылычларынан һәм яутуннарыннан тыш, аларның тарихлары, васыйтьнамәләре дә бар. Ф.Бәйрәмова.

3) *Использование различных вариантов написания.* Поддача некоторых уже существующих в определённой форме исторических лексем также имеет свои особенности. Подразумеваются такие слова, как *гаскәрбаш* 'полководец, командующий; военачальник', *каравылбаш* 'начальник караула', *йөзбаш* 'сотник, сотенный', *меңбаш* 'тысяцкий, тысячник' и др. Современные толковые словари татарского языка и словари тех тюркских языков, где они зафиксированы, предлагают вариант не с изафетом I типа, а с изафетом II типа, т.е. *гаскәр башы, каравыл башы, йөз башы, мең башы*. В определенных произведениях они в такой форме и употреблены: *Шул ук көнне төмән бәгенең бое-рыгы барлык ирләргә җиткерелде*. Н. Фаттах.

В современном татарском языке многие военные термины сохранились в качестве компонентов паремий. В параграфе «Устаревшая военная лексика во фразеологии» рассмотрены отдельные слова, зафиксированные в пословицах, поговорках, фразеологизмах. Например, в пословице *Алапасы олы, кабыргасы коры* и фразеологизме *алапа күтәру* слово *алапа* означает 'военная добыча, трофей; жалование военным; компенсация за ранение'. Через разговорные формы из тюркских языков в форме *лафа* оно проникло и было фонетически освоено русским языком. В примечаниях в поэме Кутба «Хосров и Ширин» это слово поясняется как 'дополнительная плата военным, чиновникам; премия'. В турецком языке *ulufe* 'жалованье (содержание) янычара', *alafa* – 'султанское содержание послов'. Л.З. Будагов указывает заимствование этого слова из арабского *علوفة* 'улүфә', а также использование и в казах., башк. *Алапа* *алапа*, *Алаба* *алаба* в значении 'награждение, жалование'. К сожалению, в современных словарях татарского языка это слово не зафиксировано.

Значение слова *барымта* в пословицах *Барымта алган мал түгел, куйы алган куй түгел; Барымта алган мал түгел; Барымтага барымта, карымтага карымта* – 'у кочевых тюркских народов: набег на соседние племена с целью угона скота'. В словаре татарских фразеологизмов Н. Исанбет фикси-

рует и форму *барымтал*. В русский язык это слово проникло в форме *баранта*, *барантач*. В словаре турецкого языка зафиксировано как *baranta*. М. Фасмер считает, что данная лексема монгольского происхождения. Р.Г. Ахметьянов также предполагает, что слово образовано от монгольского слова *баримта* 'поймать; обвинять' с глагольной основой *бари-* 'поймать, ловить'. В мишарско-типгарском говоре бытует слово *бартан иту* 'отомстить'. В златоустовском говоре татарского языка зафиксирован глагол *бартаннау* в значении 'сделать назло'. Что касается последней поговорки, то потерпевшее убытки племя конечно же должно было отомстить за угон своего скота и, в удобное время, само организовывало набег на захватчиков, отвоёвывая у них скот. Это и называлось *карымта*, т.е. ответный набег. В словаре узбекского языка зафиксировано слово *қаримта*. Оно имеет значение 'долг вежливости; ответный подарок; воздаяние; возмездие'. Среди прочих значений слова *кару* у Л.З. Будагова есть и 'месть, возмездие', и автор слово *кару* сопоставляет с монгольским *харю* 'ответ, возврат'.

В данном же параграфе рассмотрены особенности употребления слов *мара*, *марган*, *яу*, *булат*, *марэка*, *ярак*.

В параграфе «Синонимия и вариативность в военной лексике татарского языка» были выявлены способы образования синонимических рядов среди военной лексики татарского языка, которые можно сгруппировать следующим образом:

1) первая причина связана с возникновением слова в ту или иную эпоху, в том или ином регионе, диалекте. Важную роль при этом играла активность в употреблении слов-основ, продуктивность аффиксов в тот период и в том регионе;

2) заимствования связаны с теми народами, с которыми в ту или иную эпоху жили в соседских отношениях носители языка. Количество заимствованной лексики зависит от политического, экономического, военного уровня развития языка источника. Одно и то же слово могло быть освоено заимствующей стороной и через разговорный язык, и через письменный – через специальную или художественную литературу;

3) основная причина образования синонимов состоит в том, что в одном и том же предмете или явлении человеческое мышление раскрывает новые стороны и признаки, в результате чего данный предмет или явление может быть названо вторично на основе новой ассоциации со сходным признаком другого предмета или явления, уже имеющего в данном языке наименование. Вследствии этого, исходя из внутренних возможностей родного языка, образуется новое слово или же в обиход внедряется заимствование, способное охватить новые признаки предмета или явления.

Однако необходимо указать, что в процессе развития любого языка, в том числе и татарского, многие лексические единицы, обозначающие одно и то же понятие, могут иметь несколько вариантов написания и произношения, но не являться при этом синонимами.

Четкой и общепринятой классификации вариантов слов в науке не существует. Самым распространённым является распределение вариантных пар по формальному признаку. К таковым на современном этапе развития языка относят 1) *орфоэтические* (произносительные), которые в свою очередь разделяются на а) *акцентные* и б) *фонетические*, 2) *фонематические*, различающиеся составом фонем и 3) обладающие категориальными и формальными различиями *морфологические* варианты.

Фонематическая вариативность, в отличие от фонетической, не представляет собой живого явления татарской фонетики, т.е. фонематическая вариантность не связана прямо ни с позиционно-комбинаторными изменениями звучания, ни с типом произношения, ни с особенностями современной разговорной речи.

Варианты с различием *г* / *ө*. Звук *г*, как слабо артикулируемый, в истории тюркских языков не был устойчивым, в современных языках, благодаря ассимиляторному воздействию предшествующего гласного он часто менялся, или мог утратиться, или же образовал долготу предшествующего гласного. Например, слово *гаскәр* 'войско, армия' как имя собственное сохранилось в формах *аскәр* и *эскәр*. У татар есть и довольно распространенная фамилия *Аскар*, что несомненно берет свое начало от *гаскәр*. На наш взгляд, варианты без [ґ] в основе своей сохранились в западных говорах татарского языка. Как подчёркивают диалектологи, опущение глубокозаднеязычного согласного звука [ґ] в заимствованных из арабского языка словах характерно для мишарского диалекта татарского языка. В современном татарском языке литературной нормой является форма *гаскәр*. Варианты с таким же изменением звуков и в той же позиции наблюдаются и в паре *эләм* и *галәм* 'знамя, стяг', *кала* и *кальга* 'город, крепость', *мәрәкә* и *мәгърәкә* 'стрельбище; поле брани; сборище народа, праздник, веселье', *ту* и *туг* 'знамя, штандарт'.

Варианты с различием *г* / *ш*. Некоторые из многовариантных слов представляют собой лексемы, одни из которых сохранили историческое звучание, другие в процессе развития языка претерпели определённые изменения. Историческое чередование звуков в татарском языке происходило по определённым закономерностям и составляет целую систему. Примером военной лексики к вышесказанному может служить такая пара, как *яг* и *яу* 'войско противника; враг'. Сюда же, на наш взгляд, нужно отнести и пару *яугир* / *явыр* 'воин', которая образована из *яг+ир* и *яу+ир* (т.е. *яу ире* 'военный муж').

Варианты с различием *у* / *о*. Среди военной лексики татарского языка встречаются варианты с различием губных гласных. Такое явление обычно наблюдается исключительно в первом слоге слов. Например: *курган* / *корган* 'крепость; курган', *томар* / *тумар* 'тупоконечная стрела', *оран* / *уран* 'боевой клич'. Множество слов с перебоем корневых гласных, характерным для татарского и башкирского языков, встречается и в диалектах и говорах других тюркских языков, а отчасти и в письменных памятниках тюркских языков, располагавших дифференцированными знаками для всех четырех губных

гласных (о и у, ө и ү). Через говоры и диалекты значительная часть таких слов проникла и в соответствующие литературные языки.

Варианты с различием по твердости-мягкости. В татарском языке известно много слов, в том числе и военных терминов, которые имеют смягченные варианты. Например: *аламан* – *элэмэн* ‘наёмное войско’, *алаңгасар* – *эләңгәсәр* ‘гвардеец; воин-великан’, *иравыл* – *ирәвел* ‘авангард’, *найза* – *нәйзә* ‘копье, пика’, *улжа* – *үлжә* ‘трофей, добыча’ и др. Как видно, твёрдые и мягкие варианты между собой не разнятся по значению. Одни из этих вариантов представляют собой обычное фонетическое развитие слова, другие же являются словами либо из разных диалектов, либо из диалекта и литературного языка. Современные словари татарского языка, как правило, фиксируют только один из этих вариантов.

Варианты, возникшие в связи с модернизацией графики и транскрибированием. Широкие возможности для образования вариантов давал принцип иероглифа арабского письма, которым более 1000 лет пользовались тюркские народы, в том числе и татары. Принцип иероглифа состоит в том, что одно и то же тюркское слово, написанное арабской графикой, в разных тюркских языках и диалектах одного и того же языка произносилось по-разному. В связи с этим одно и то же слово, написанное арабицей, имело разное фонетическое звучание. Отличием от предыдущего способа образования вариантов является то, что из-за пассивного применения данных пар в языке они не совершенствовались, поэтому не сохранились их формы произношения в устной речи. Разночтения в них возникли из-за смены графики и транскрибирования. К таковым среди военной лексики можно отнести: *газа* – *газат* ‘поход, набег, нашествие; война’, *дирга* – *диргы* ‘кольчуга, панцирь’, *жэблэ* – *жэблэ* ‘фронт’, *ихтиляль* – *ихтилял* ‘бунт, восстание’, *касыр* – *каср* ‘крепость, кремль’, *мөдфэ* – *мөдфа* ‘ручное ружьё’, *сэйф* – *сәеф* ‘сабля, шашка’, *суари* – *сувари* – *совари* ‘всадник; кавалерист, конный воин’, *сынжак* – *сәнжәк* – *санжак* ‘знамя, флаг’, *татгауыл* – *тотгавыл* ‘ночной конный караульный’, *фәрраш* – *фәрраш* ‘часовой, караульный’ и др.

В заключении излагаются основные положения и выводы исследования.

Диссертация имеет два приложения, представляющих собой фрагмент татарско-русского словаря традиционной военной лексики с иллюстрациями из произведений устного народного творчества, художественной литературы и список военной периодической печати на татарском языке, датируемой началом XX века.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Сафаров Р.Т. Синонимия и вариативность в военной лексике татарского языка / Р.Т. Сафаров // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. Выпуск 52. – 2011. – № 10 (255). – С. 127–130.

Публикации в других научных изданиях:

2. Сафаров Р.Т. Разновидности архаизмов военной лексики в татарском языке / Р.Т. Сафаров // Тенишевские чтения – 2009: материалы всероссийского тюркологического симпозиума. – Казань: ТГГПУ, 2009. – С. 230–233.

3. Сафаров Р.Т. Татар халык мәкальләрендә кайбер искергән хәрби лексиканың чагылышы / Сафаров Р.Т. // Актуальные проблемы современной фольклористики: материалы международной научно-практической конференции (Казань, 29 июня 2009 г.) / ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ. – Казань: Алма-Лит, 2009. – С. 209–211.

4. Сафаров Р.Т. Хәрби лексикада фонематик вариантлылык / Сафаров Р.Т. // Фән һәм тел. – 2010. – № 2. – Б. 33-35.

5. Сафаров Р.Т. К вопросу об алтайском пласте военной лексики в современном татарском языке / Сафаров Р.Т. // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Тюменский государственный университет, 17 октября 2010 г. Отв. ред. Х.Ч. Алишина, А.В.Дыбо. – Тюмень: изд-во «Печатник», 2010. – С. 214–217.

6. Сафаров Р.Т. К вопросу о тюрко-монгольских параллелях в военной лексике / Сафаров Р.Т. // Жизнь, посвященная тюркологии: материалы международного тюркологического симпозиума, посвященного 90-летию Э.Р. Тенишева (Казань, 15 апреля 2011 г.). – Казань: ТГГПУ, 2011. – С. 104–112.

7. Сафаров Р.Т. Военные монголизмы в татарском языке / Сафаров Р.Т. // XXI гасыр фәне: Филология һәм сәнгать белеме мәсьәләләре. 5 нче чыгарылыш: яшь галимнәр һәм аспирантларның фәнни конференциясе материаллары (Казан, 18 май, 2011 ел). – Казан, 2011. – Б. 71–74.

8. Сафаров Р.Т. *Нөгәр* сүзенә чагыштырма-тарихи һәм структур-семантик анализ / Сафаров Р.Т. // Фән һәм тел. – 2011. – № 1. – Б. 26–30.

9. Сафаров Р.Т. Некоторые китаизмы в военной лексике татарского языка / Сафаров Р.Т. // Язык и литература в поликультурном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции. Выпуск 6. – Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2010. – С. 50–58.

Подписано в печать 12.04.2012
Формат 60x84 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п.л. 2. Тираж 100 экз.

Отпечатано ИП Чермянина

